
Все дороги ведут в Сад
Дарья Палдовская

Дарья Палдовская

Все дороги ведут в Сад

«Автор»
2026

Дарья Палдовская

Все дороги ведут в Сад / Дарья Палдовская — «Автор», 2026

Город стоит на краю мира. Он укрыт березами и посыпан декабрьским колючим снегом.Правда с Кривдой сидят на лавочке у его церкви, просят милостыню. В городском саде черти рядят статую Ленина цветами. Люди здесь занятые, бегают усталыми, полными надежды муравьями.Город молчит. Город шепчет. Город кричит.Город зовет и жадно ждет ответа.Та, кто может его дать, хочет от него уйти.

© Дарья Палдовская, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Вышитые узоры 6
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Дарья Палдовская
Все дороги ведут в Сад

Пролог

В мире много слов. И не все они пролетают мимо. Есть такие, которые вцепляются когтями в сердце, отдаваясь эхом до конца жизни.

Лиля Тёсовой таких слов слышала много. Самыми первыми, самыми сильными из них были:

– Ты только не плачь. У тебя, кажется, папа умер.

Раздосадованный незнакомец тогда оказался прав. Папа и правда умер, и для маленького несмышлёныша жизнь на разделилась на «до» и «после».

Брошенная в мясорубку жизни, девочка цеплялась за всё подряд, чтобы понять, как выжить и не потерять себя. И девочка, одно за другим, вывела для себя правила, которые поклялась никогда не нарушать.

«Не показывай, что чувствуешь». «Нужно – делай». «Не будь трусом». «Не доверяй».

Не плачь.

Глава 1. Вышитые узоры

Если боишься сдавать выпускные экзамены, а у родителей есть деньги, то всегда можно вместо последних классов в школе отправиться в какое-нибудь средне-специальное заведение, где учителя чуть реже ненавидят детей и чуть чаще закрывают глаза на проблемы. А если же денег нет, а ты гордо ступаешь по отцовским стопам и бросаешь школу, то можно за определенную сумму договориться о не вполне легальном проживании в общежитии похожего заведения, отобрав у местных студентов одну из немногих свободных постелей.

В целом, когда твои родственники всеми силами пытаются тебя контролировать в уродливой имитации заботы, то можно обнаружить себя в самых неожиданных местах. Например, прячась в кабинке общественного туалета того самого общежития. Прячась от тех самых родственников.

– Отцовское отродье!

Этот и подобные крики гуляли по полупустым коридорам уже достаточно давно, и Лиле это успело надоесть. Она не любила ярких эмоций, и скандал, устроенный заявившимися «дорогими близкими», был ей противен. Родственничкам никак не давало покоя, что Лиля ещё до совершеннолетия посмела покинуть их «любящее гнездо», и они всеми способами пытались мешать ее самостоятельной жизни, а недавно дошли еще и до чудесной идеи вернуть бунтарку обратно силком.

Крики всё не стихали.

От скуки девушка играла в своеобразное бинго: каждый раз, как голоса прохаживались по ее погибшему отцу, она оставляла крохотную метку – дырявила кусок туалетной бумаги, конец которой пропитался кровью от свежего пореза на её щеке. Пока что отметин набралось шестнадцать. Много это было или мало, сказать было сложно. «Представление» ещё не закончилось.

Родственники бросили терзать её комнату и принялись заново гнать на испуганно блеющего коменданта.

– Почему вы не знаете, где она?!

– Поймите, Тёсову почти невозможно застать, хоть она и живет на территории общежития, но здесь не обучается, и потому мы не можем...

Лиля сидела с ногами на крышке унитаза, и с сапог на пол уже успела накапать лужа стаявшего снега. В тесной кабинке ужасно воняло, и чувствовалось, как этот запах въедался в ее растрепанный хвост. В зимних пузатых штанах и с покоящейся на коленях курткой было жарко. Стоило лишний раз пошевелиться, как с переполненного мусорного ведра на грязный кафель грозились выпасть пустые пачки из-под сигарет и шприцы для диабетиков.

Шпингалет задрожал – с той стороны кабинки ломились, уже не в первый раз. Кто-то опоздавший и переполненный спешил на пары, но Лиля была еще не готова покидать свое временное убежище. Торчать здесь было неприятно, но все лучше встречи с «дорогой и единственной семьей».

– Сколько можно торчать! Открывай! – нервно и зло закричал опаздывающий студент, продолжая тарабанить в дверь.

Лиля на это даже не подняла глаз. Лениво соскребла со стены кусок вздувшейся краски, и та синей пылью осыпалась вниз.

Внезапно грудь обожгло жаром, и девушка зашипела, почти свалившись от неожиданности со своего насеста. Она подняла с висящего на шее шнурка телефон. Тот был круглым и выпуклым, нижняя поверхность – серебристой, а верхняя напоминала ртуть, и сейчас светилась жемчугом, заявляя о пришедшем сообщении. Говорили, что эти работающие на мистическом ЦБ штуки опасны и нужно носить их в чехле, но чехлы стоили денег, и режим экономии

их не позволял. Этот агрегат сам был дорогим и редким подарком, и поэтому его цвет не подходил к выцветшей цепочке, на которой висел телефон.

Девушка подхватила кругляш телефона и несильно постучала по нему подушечками пальцев. По шершавой поверхности пошла тяжелая рябь, и на экране загорелись мягкие, немного размытые буквы: «Зайди».

Лиля нахмурилась. В телефоне был забит только один контакт – Ярика, который и подарил агрегат, еще и настояв, чтобы она подарок всегда с собой таскала. Напрягла необычная для Ярика короткость, не говоря о том, что обычно звал он сам её к себе только, когда на очередной ночной «прогулке» у него что-то мерзкое происходило.

– Выходи! Как тебе не стыдно устраивать сцену! – а это уже бесновались снова родственники в коридоре, заглядывая в двери и беспокоя местных зубрил. Их крики разносились уже совсем рядом и не планировали стихать. Нужно было срочно что-то делать – дорогая тётушка не побрезгует и в туалет беспардонно залезть, с неё станется. Пришла идея.

Лиля напечатала: «Позвони. На домашний. Не болтай».

Её ответ тоже был кратким, но по другой причине. Новомодные сообщения были удовольствием дорогим, и она их, в отличие от Ярика, обычно позволить себе не могла.

Минуту ничего не происходило, но вот грудь снова обожгло: «Купи хлеб».

Лиля напечатала ответ: «Куплю. Позвони».

Дела были совсем дрянь, если дошло до того, чтобы он сам о еде просил. Чаще Лиля еду в него впихивала после того, как ловила его на том, что он не ел несколько дней, потому что «забыл». Она сделала себе мысленную зарубку дойти до дальнего киоска. Он был расположен неудобно… но зато там продавали свежий хлеб с ближайшего завода, что Ярика должно было порадовать.

Спустя секунды на всю общагу затрезвонил Лилин стационарный телефон, который никогда не использовался для входящих звонков. Поскольку «технику не положено иметь проживающим», комендант должен был засуетиться искать виновника. Лиля надеялась, что расчет её был верным. Родственники были всё ближе.

– Это из комнаты Вашей племянницы!

– Это кому она понадобилась!

– Возможно те, кто звонит, знают, где она сейчас?

Получилось. Спасительный окрик развернул почти настигшую Лилю угрозу, отправив коменданта и дорогих родственничков в противоположном от их цели направлении.

Можно было бы выдохнуть, вот только опаздывающий на пары студент с новой силой забарабанил по двери кабинки.

Раз уж горизонт был чист, девушка соизволила его впустить, сняв щеколду.

Несчастный тут же ввалился внутрь, натолкнулся на Лилю и шарахнулся вбок, едва не снеся дверь кабинки.

– Тёсова!

– Добрый вечер господам, – криво улыбнулась та ему.

Не ожидавший встретить именно Лилю, парень попятился и вжался в хлипкую деревянную стенку. Он был из тех, кто в младшей школе кричал ей вслед «Тёсова, Тёсова, учеши отсюда!», потому Лиля не чувствовала к нему никакого сочувствия. Тем более студентишка был так сильно напуган по своей собственной вине. Никто не просил его так сильно впечатляться последними городскими сплетнями.

У Лили возникло шкодливое желание протянуть к его горлу руку, как это делала нечисть из страшилок, но она подавила порыв и сделала шаг в сторону.

Парень её манёвр все равно заметил, и на его лице замерло выражение перепуганной морской свинки.

Лиля смерила его презрительным взглядом – этот человек был ей противен по целому ряду причин, помимо личной неприязни. Он мог позволить себе зазеваться и опоздать куда-то, где должен быть. Одежда была его куплена за чужие деньги, а в прическе прослеживалась чья-то заботливая рука. Девушка завидовала этому студенту вязкой, черной завистью, но гордость не позволяла в этом признаться.

– Чокнутая! – крикнул мальчишка.

Многострадальная дверца снова захлопнулась, шпингалет заполошно щелкнул, однако Лиля теперь была по другую сторону уравнения. Это было приятно.

Тёсова развернулась и подошла к стоявшей напротив кабинки раковине, над которой висело старое заляпанное зеркало с неровными следами белой краски на оправе. С него на девушку смотрело ухмыляющееся отражение. Лиля убрала с лица улыбку. У её двойника в зеркале был широкий таз и тяжелые ведьмовские глаза, а на носу и щеке – алый росчерк от удачно пролетевших по касательной ножниц. Девушка облизала пальцы и, как лесное животное, потёрла слюной ранку.

Идти на улицу через главный выход означало привлечь к себе внимание, а потому было плохой идеей. Но туалете, как и этаж, где жила Лиля, находился в подвальном этаже, и окно под потолком выходило на улицу снаружи. Тёсова кинула на стекло придирчивый взгляд: на нём виднелись следы от пуль после последних разборок местных бандитов – скотч криво переклеивал трещины, чтобы в помещение не дуло морозом. Стекло всё никак не могли заменить на новое – ректор жмотился, прикарманив себе выделенные на это дело деньги. Но Лиле было не жаловаться, ведь именно из-за попустительской натуры руководства она могла позволить себе жить за копейки не на улице.

Девушка поставила ногу на раковину, та опасно покачнулась и почти вышла из пазов, но удержалась. Лиля бесстрашно забралась полностью – если переживать за все, что здесь разваливалось, то проще было просто встать по центру комнаты и не двигаться (и то не факт, что пол под ногами не провалится или с потолка ничего не упадёт). Последний раз здание видело ремонт еще до Лилиного рождения.

Открытая форточка фыркнула на Лилю стужей, вызвав мимолетную радость – Тёсова любила снег. Любила то ощущение, когда от холода немело тело.

– Закрой окно! – окрикнул осмелевший студент.

Лиля сперва выпихнула куртку, а затем рывком подтянула себя и вылезла на улицу сама. Окно девушка оставила незапертым.

В тишине декабрьской ночи Лиля запрокинула голову и жадно вдохнула. Воздух трещал от свежего мороза, а звездное сибирское небо казалось бесконечным в своей чистоте, которую не нарушал свет уличных фонарей. Освещение в городе едва провели лишь в центре, и работало оно тоже на этом загадочном ЦБ, напрягая жителей города, которые, как и все люди, относились к новомодной волшебной штуке с подозрением, что было логично. Как можно было доверять источнику энергии, который не только не пойми как работал, но и к которому даже расшифровку правительство за все годы так и не удосужилось предоставить?

Лиля закашлялась, поймав от ветра горсть снега в лицо. Щеки закололо от холода, так что пришлось поскорее накинуть куртку и побрести прочь от захудалого учебного заведения, потерявшегося в городских окраинах. Шарф с шапкой остались в комнате, поэтому девушка натянула капюшон пониже и застегнула верхние пуговицы куртки в попытке сберечь горло. Перчаток у Тёсовой не было совсем, но на такой случай и были придуманы карманы. Для того, чтобы одновременно одеваться и идти по обледенелой дорожке, требовалась определённая сноровка, но Лиля справлялась.

Над головой демонически загрохотали тяжелые вагоны – это по мосту поехал товарный поезд. Он держал дорогу по путям, в честь которых город получил свое название – Железнодорожный.

Каждый выдох повисал в воздухе облачком заблудшей души. На улице было пустынно – буря похоронила всё за сугробами, под некоторыми из которых угадывались формы немногочисленных потерянных владельцами автомобилей. Здесь был район новостроек, и дома были одними из самых больших в городе – целых девять этажей. Выше только две знаменитые шестнадцатиэтажки у реки, которые от всех серых зданий Железнодорожного выделялись приятным персиковым цветом. Лиля точно знала, что на верхних этажах двух гигантов всё было разрисовано граффити – она сама присутствовала при создании некоторых из них. Ей больше всего нравилась работа художника, оставившего незамысловатое, но точное послание, написанное им на цыпочках, а потому криво и почти слитно: «Мир ничего не понимает во мне, я ничего не понимаю в мире. Дайте денег». Чистая поэзия.

Ходить по такой темноте было опасно – сулило проблемы. Несмотря на то, что кругом, за бетонными и кирпичными стенами, скрывались люди, Лиля точно знала – никто ни на чьи крики не станет высовываться. Помощь не придёт. Такие были времена, и оставалось лишь как можно реже выходить ночью на улицу и без надобности подолгу не задерживаться.

Зная это, Лиля всегда была настороже, когда гуляла по ночам. И вот сейчас её беспокоило неуютное чувство преследовавшего чужого взгляда. Это нервировало, но она пока не реагировала, выжидая и продолжая свою дорогу.

До Ярика было далеко. Можно было повернуть налево, словами Жанны: «как все приличные люди», и сократить путь, но ночная прогулка по разделяющему районы кладбищу была почти такой же плохой идеей, как прогулка по стоящей рядом заброшке, обнесённой бетонным забором и щедро перемотанной колючей проволокой. Так как город раньше был военным объектом, таких бесхозных и пустых построек можно было найти много.

Чужое присутствие всё не покидало, и Лиля решила действовать – закрыла глаза, продолжая идти. У неё был небольшой волшебный секрет: стоило ей представить маятник, и она могла задавать ему вопросы. Были, конечно, нюансы. Например, вопросы не могли быть сложными, да и ответить на них было можно лишь одним из двух заранее подготовленных вариантов. А ещё высшая сила, отвечавшая на вопросы, бывала капризной и могла вовсе отказаться отвечать (что случалось достаточно часто). Тёсова обычно для ответов выбирала «да» (воображаемый маятник зависал справа) и «нет» (воображаемый маятник зависал слева), и сейчас она поступила так же. Она спросила, идет ли за ней кто-то. Сегодня удача была на ее стороне – ей ответили. «Да».

Паршиво.

Впереди по дороге попалась автобусная остановка – старое, суровое бетонное строение с пыльной россыпью некогда блестящей мозаики, изображавшей прошлые надежды на лучшее будущее.

Не меняя шага, Лиля завернула в нее и прислонилась к холодной задней стене. Руки нырнули погреться в карманы, и пальцы подтянули к себе фонарик, у которого предусмотрительно был отколот бок, делая его острым и каким-никаким, а оружием. Девушка глядела перед собой и ждала.

Показалась массивная фигура. Стоило увидеть знакомую потрепанную шубу, и плечи Лили расслабились.

– Здравствуйте, дядь Саш.

На лице Тёсовой автоматически расцвела вежливая улыбка. Лиля не была фанатом теории «старших нужно слушать», возведенной в абсолют, но с теми, кого уважала, вела себя примерно. А Александр Павлович был старым другом отца.

Фонарик девушка из руки выпустила.

– Ой, Лиль! – вздрогнул от неожиданности мужчина. – Как жизнь?!

– Все хорошо. Как у Вас?

– Понемножку-помаленьку, – прогудел собеседник. – С работы иду, устал я сегодня. Это ты заметила, что я за тобой шел?

– Нет, просто зашла отдохнуть от ветра, – соврала девушка.

Александр Павлович понимающе закивал головой, отчего показались седые волосы из-под сбившейся шапки, которую ему подарил внук, когда с семьей навещал в последний раз. Сам мужчина был небрит и от него несло алкоголем, но лицо было открытым, доброжелательным.

Дяде Саше было под семьдесят, он был старше Лилиного отца почти на сорок лет, когда тот был еще жив. Но отца, Алексея Тёсова, это никогда не смущало: тот был человеком на редкость общительным, а ещё – завсегдатаем того же бара, из которого сейчас пришёл Александр Павлович. О том, что шёл старик не с работы, а из питейного заведения, говорили покрасневшие глаза, а также вин**а**, спрятавшаяся в морщинках лица. Оставалось лишь догадываться, проиграл ли в очередной раз дядя Саша свою зарплату или же смог одержать победу над механическим одноруким бандитом, на которого в баре нередко претендовала очередь.

– Ты куда?

– К подруге.

Дядь Саша из-за старости и обычно одинокого проживания постоянно искал себе собеседников, и то, что знал он, автоматически знала половина города, потому, наученная горьким опытом, Лиля с ним особо не делилась.

– А, – молвил он. – Тебе прямо?

Тёсова подумала снова соврать, но тогда пришлось бы идти по небезопасной короткой дороге, потому решила сказать правду.

– В центр города, в ларек перед развилкой.

– Это там, где жуткая бабища сидит?

– Нет, в соседний.

– О, и я тоже зайду. Славно, что они круглосуточно работают. А зачем тебе туда? Ты же к подруге?

Где-то здесь должны были начаться неудобные вопросы, и, чтобы этого не допустить, Лиля пошла на обманный маневр.

– Хотела к чаю по дороге захватить, а еще проверить кое-что. Говорят, готовятся к тому, что город снова закроют, потому в магазинах всё в двойных и тройных масштабах запасают, проверить хотела.

– Ой, это всё – дурной бред! – отмахнулся Александр Павлович. – Я был здесь и до первого закрытия, и после – когда во время войны питерцев сюда опять привезли; и потом, при открытии. Никому оно не надо по второму разу. Тем более в наши-то времена...

Дядь Саша дальше перешел на монолог о том, почему именно он считал, что возвращать городу статус закрытого военного объекта никто не собирается; при этом Александр Павлович не особо слушал Лилю, что было ей на руку. Девушке оставалось только кивать, даже односложных понимающих ответов не требовалось. Она могла оставить свои секреты при себе, но при этом послушать информацию, в которой среди мусора могло проскользнуть что-то новое. Старик, хоть и слушал радио каждый день, не любил говорить о том, что сейчас творилось в столице, но его можно было вывести на нужные сведения. Пока выходило, что в мире ничего особо не поменялось и у Лили всё ещё был шанс вылезти из болота этого богами забытого города.

За монологом дядь Саши путь до ларька был пройден незаметно.

Главным отличием центра от спальных районов был потусторонний свет работавших на ЦБ фонарей. На самом деле, такое освещение должны были установить по всему городу, но не успели вписаться в график до развала заказавшего освещение правительства. Из-за редкости явления граждане всё ещё переживали, проходя под фонарями, – в конце концов, белые шары угрожающе парили в воздухе без всякой опоры, слегка окрашивая все в зловещий ртутный

цвет. ЦБ когда-то гордо ввели в эксплуатацию, заявив, что это новое чудо технологического прогресса, и непонятная энергия действительно была похожа на магию – хотя прошло больше полувека с момента открытия технологии, о том, что это именно такое и как оно работает, знали всё ещё только в высшем руководстве.

Перед железным контейнером стояла небольшая шерстяная очередь. Покупатели перетаптывались в валенках и ежились, пряча ладони в рукавах. Вряд ли эти люди шли к единственному работающему ночью магазину по морозу, чтобы что-то там проверить. Алкоголь был вариантом поубедительнее.

Из ларька кто-то вышел, и только народ двинулся, как дядя Саша, почти убаюкивающе что-то вещавший, внезапно перешёл на рык:

– Люди, эй! Тут ребенок дубеет, ну пропустите, ну. Живо!

Лиля замерла от неожиданности, но, впившись до боли ногтями в ладони, спокойное лицо сохранить смогла. Она была против называться ребёнком – ей восемнадцать, но можно было и потерпеть, если от этого есть выгода. Толпа, бурча, расступилась: Александр Павлович имел определенную репутацию, приумноженную его опытом работы на одном из тех ныне заброшенных предприятий.

– Держи, чтобы в руках не нести, нечего морозиться.

Он достал из кармана авоську, передал Лиле и легонько подтолкнул её в спину, а сам остался, встав в очередь последним.

– А Вы? – спросила Лиля.

– А я тут побуду, мне полезно свежим воздухом дышать.

Было очевидно, что дело не в оздоровительных процедурах, но Тёсова решила не поднимать этот вопрос.

– Спасибо.

– Иди, говорю, иди.

Махнув Лиле, дядь Саша окликнул кого-то из очереди и завел уже новый разговор. Девушка потянула на себя заскрипевшую дверь.

– Чего нужно?

Галина Ивановна возвышалась как гора, ядовито распространяя ауру «ненавязчивого советского сервиса». В ларьке было душно, но тепло, а от запаха солений и свежего хлеба голодно сводило живот. Помещение было крохотным и абсолютно заставленным, потому внутрь пускали только зимой, по одному (исключение – товарищи с детьми). Места хватало лишь на то, чтобы стоять прямо у прилавка с хмурой женщиной, будто провинившийся школьник перед строгим учителем.

– Батон «городского», пожалуйста, – сказала девушка, выкладывая ровное количество мелочи.

– И всё?

Тёсова кивнула и потерла закоченевшие пальцы, но потом передумала.

– Еще кильку в томате, пожалуйста, – она добавила мятую купюру. – И картошки, штук шесть.

– Еще два рубля.

На стол легли еще две монеты. Что-то пробурчав, продавщица потянулась к полкам за собой. Ожидая продукты, Лиля бросила взгляд на столик, где примостились китайская жаба для привлечения богатства, журнал расходов и небольшое радио, вокруг которого вился лёгкий туман ЦБ, что говорило о перегреве, а также о том, что выключали прибор примерно никогда.

– Тверь потрясла серия пожаров, занявших целые районы. Выходы к ним заблокированы. Комитет Охраны проводит оперативную проверку, – голос ведущей был монотонным, гипнотизирующим. – Подозрения падают на участившуюся активность так называемых «химер»,

равно как и на спонтанные всплески ЦБ. Эксперты заявляют о несостоятельности обеих теорий...

Покосившееся радио так завывало, что склянки и коробки вибрировали, едва не падая. Даже идол на украшенной блёстками и лёгкой голограммой иконе, занимавший почётное место на стене, опасно раскачивался, чудом не слетая со своего насеста. Тёсова не помнила его имени, но помнила, что он был мучеником и одной из важных шишек. Смотрел этот тип на посетителей будто злобно, и потому Лиле не нравился.

– Террористке с винтовкой снова таинственным образом удалось скрыться с места преступления, – продолжала женщина мертвым голосом.

– Нет порядка нигде, – проворчала вынырнувшая из-за прилавка продавщица. – Держи. Что у тебя с руками?

Лиля приняла продукты в авоську и спрятала свои разбитые костяшки в рукава, даже не думая отвечать на вопрос. Вместо этого хотелось самой спросить: если уж не нравятся новости, зачем тогда слушать станцию, которая только об ужасах и любит рассказывать? Но Лиля попридержала язык. Критиковать Галину Ивановну было себе дороже. Нервная особа могла взвинтить цены или вовсе отказаться обслуживать. Женщина загремела на эту работу после коллапса прошлого правительства, когда прошлое место занятости закрылось, почти со всем, что было индустриального в городе. Потеряв, как и многие, статус и заработок, бывшая работница труда наполнилась желчью и с тех пор стремилась обвинить в бедах абсолютно всех и вся, отказываясь признать, что мир не так прост.

– Горлопаны! – выкрикнула Галина Ивановна.

И вправду, за стенами контейнера зашумели, будто в последний раз. Крики были злыми, это было не к добру. Лиля пригнулась в тот момент, когда с грохотом распахнулась дверь. Девушка поднырнула под руку заходящей фигуре в маске, задев полы чужого плаща, и опрометью бросилась вон, прижимая к себе сумку. Дверь закрылась.

Лиля замерла на улице, настороженно глядя на контейнер. Изнутри раздались голоса, и Тёсова выдохнула – её не заметили. Меньше всего она хотела встретиться с одной из тварей другого мира, наподобие той, что сейчас зашла в полный застоявшегося воздуха ларек. Ссэра в городе никто не любил, но Лиля – особенно.

– Вовремя вышла, – сказал ей дядь Саша. – Я тут постарался бучу поднять. Легко получилось – мужики недовольны были, что им второй раз кого-то пропускать пришлось. Хорошо, что сработало. Но ты-ка лучше делай отсюда ноги шустрей, пока тебя не заметили. Не знаю, один ли это из Алексеевых «благодетелей», но лучше перебдеть.

– Спасибо, дядь Саш, – искренне сказала Лиля.

– Двигай, двигай.

Она послушалась и пошла, по дороге обойдя второй, «страшный» киоск. У этого очереди не было, хотя и стоял он от первого метрах в пяти и был даже открыт. Большей части города это место не нравилось, но оно каким-то чудом еще оставалось на плаву. Страшный ларек был совсем мелким, и внутрь входить было нельзя, только брать из зарешёченных окон. На витрине блестели в фиолетовом освещении выцветшие этикетки. Виднелся горшок с дежурным увядшим кустом, который всегда там стоял, словно хозяйке плевать было на падаль у себя под окном.

Лиля понимала, почему сюда не заходили люди. Не понимала она, какого черта нелюдь не зашла к мелкому страшному ларьку, как раз для таких, а сунулась к человеческому. Ещё и с этой дурацкой маской на лице.

***

Лиля зло скрипнула зубами. Затем, в очередной раз, крикнула в стену:

– Ярик, твою мать!

Звонок не работал – Ярослав их не любил, потому свой содрал сразу, как только въехал. Лиля зло барабанила в обшарпанную деревянную дверь, но ей не открывали. Не слышали за громко орущей музыкой.

Тёсова вышла обратно на улицу и встала перед окном Ярика. Оно было открыто, несмотря на зиму и то, что квартира находилась на первом этаже. Как обычно, единственной защитой от воров и шкодливых детей были решетки, установленные ещё прошлыми хозяевами, однако прутья в них располагались настолько широко, что не имели смысла. Приемник над подоконником подрагивал. Его можно было спокойно украсть, но только конченный псих стал бы лезть сюда – в этом городе даже самым отчаянным людям хватало ума не соваться в дом колдуна.

– Ярик! – снова и снова звала Лиля, стискивая в кармане кругляш телефона, на звонки с которого хозяин квартиры тоже не отвечал.

Тёсова устало вздохнула и бесцеремонно зашвырнула в окно авоську, отдавшуюся грохотом из квартиры. Лиле не хотелось играть в скалолаза, но выбирать не приходилось. В том, что Ярик был в квартире, она была уверена. В том, что помощь ему нужна, тоже не сомневалась.

Чтобы ледяное железо не обожгло ладони, Лиля обернула их рукавами куртки, затем в прыжке ухватилась за решетку и вскарабкалась на подоконник. Снизу раздалось шипение – рассевшийся на подоконнике кот был против того, чтобы к ним с Яриком вламывались нежеланные гости. Лиля спихнула животное ногой, а затем спрыгнула следом.

Привычно пахло горелым миндалем. Музыка раздражала – за ней ничего не было слышно, но для того, чтобы ее выключить, пришлось бы сначала подтащить стул – радио висело слишком высоко.

Взгляд Лили мазнул по раскиданным по полу дорогим новомодным механизмам, валявшимся вповалку с ещё более дорогим антикварным барахлом, пока не наткнулся на пышное кресло, где кверху ногами развалился хозяин дома. Он был пьяняще красив той мужской красотой, за которой гонятся многие, и которая лично ему давалась без каких-либо усилий. Это природное обаяние не могли перебить даже его выходящие за рамки регулярные выкрутасы с собственной внешностью.

Тёсова осторожно направилась вперед. Длинные ядовито-голубые волосы паучьими нитями струились по светлой обивке кресла, на фоне которой ярко выделялось смуглое лицо. Из-под распахнутого кожаного плаща торчал амулет с клубящимся дымом внутри - игрушка, с которым хозяин квартиры настолько не расставался, что Лиля видела его без трусов, но не без этой штуки.

Ярик медленно обернулся к ней, продемонстрировав свое последнее тату на лице – виноградную лозу. Девушка замерла под его взглядом. Она знала, что смешно смотрелась рядом с парнем: со смазавшейся после рабочего дня косметикой на глазах, почти слезшей с волос пузатой резинкой и в неподходящей по размеру мужской одежде. Стало неуютно. Будто лёгкие начинили спичками, а дыхание Ярика было пламенем жар-птицы, и стоило подойти чуть ближе, как внутри бы вспыхнуло и рвануло.

Лиля посмотрела на его залегшие под глазами синяки, глубоко вздохнула и с чувством сказала:

– Пей свои сраные колеса.

Ярик заторможенно моргнул, никак иначе не реагируя, что подтверждало её обвинение – он снова бросил принимать лекарства.

В квартире продолжала орать музыка.

Тёсова перевела взгляд. На кофейном столике было пусто, не считая переклеенной скотчем фотографии. Таблеток не было на привычном месте, и Лиля с трудом подавила волну тревожного раздражения.

Девушка скинула сапоги, закрыла окно и босиком пошла на кухню, перешагнув через неаккуратно отрезанную трубку проводного стационарного телефона, намекавшую, что в ближайшее время придётся снова покупать новый. Почему-то концепт того, что приборы можно просто выключать из штепселей, Ярику не давался, и он предпочитал варварское уничтожение. Чтобы на следующий день приходилось покупать новые.

Под всем тем хламом, который хозяин дома по-сорочьи тащил к себе, квартира была большой, даже огромной. Чтобы найти здесь что-то нужное, требовалось время, и сейчас это беспокоило. Неизвестно, когда ему в очередной раз пришла светлая идея, что и без препаратов будет нормально, и сколько времени прошло с тех пор. Лиля старалась гнать мысли о том, что именно сегодня причиной могло быть не то, что Ярик не захотел или забыл, а то, что не смог лекарство найти.

ЦБ был вещью мистической. Да, он был спонсором человеческого прогресса, обеспечивал энергию и связь, но имел и негативные стороны – серебрянку. Болезнь, которая могла настичь любого и сулила медленную и не очень приятную смерть. Избавления от серебрянки не было, хотя за последние годы нашли решения, чтобы купировать и тормозить недуг. Лекарства было тяжело найти, и если проблема была в том, что Ярик таблетки забыл пополнить или вовсе смыл в унитаз, то дело пахло горелым. Все это вызывало непрошенные воспоминания, и Лиля неосознанно задвигалась еще быстрее.

Кот пытался мяуканьем перекрикивать музыку, водя хороводы вокруг груды старых коробок, часть из которых были невскрыты, несмотря на припорошивший их слой пыли. Девушка скосила на животное взгляд. Кот ответил тем же. Лиля давно заметила, что питомец у Ярика был не только с характером, но и себе на уме, потому полезла проверить, чего ему было нужно.

В коробке из-под обуви обнаружились черные таблетки, и от сердца отлегло. Кот, будто знающе, оскалился. Девушка его шуганула, подхватила бумажные упаковки лекарства и вернулась, снова встав перед хозяином квартиры.

– Я понимаю, что ты претендуешь на клуб «Двадцать семь» и у тебя уже время поджимает, но ты перебарщиваешь, – сказала она Ярику.

Тот всё не реагировал. У Лили дрожали ладони, всё внутри крутило, будто водили раскаленным железом. В такие моменты всё и правда было почти неотличимо от тех времен, когда она так же сидела перед отцом.

Про инвалидов и смертельно больных любят писать книги и снимать фильмы, вот только там все показано рафинированно: вот бедный-несчастный, которому нужна помощь. Вот он трагично погибает, заставляя главного героя стать сильнее, открыть в себе доброту или еще там что. Не говорят о глухом ожидании, когда раз за разом стоишь перед чужой кроватью, слышишь крики боли и не знаешь, переживет ли человек ночь. Раз за разом. Не говорят о том, когда человек едва держится на этом свете, с каждым днем по кусочкам теряя способность функционировать самостоятельно, все меньше напоминая человека и больше – живой труп. Но остается по эту сторону горизонта. И остается так долго, что уже веришь: это и есть твоя новая реальность, так и будет. Пока однажды не наступает конец, который не должен был бы никого удивить, но который наступал так долго, что его перестали ждать.

Лиля крепко зажмурилась и ущипнула себя, возвращая самообладание и прогоняя прошлое. Сейчас было иначе. А даже если нет, ей просто нужно было продолжать прикрывать ладонью собственное сердце и не позволять себе ни к кому привязываться.

Миром правили сделки. Люди и нелюди договаривались о самых разных вещах и несли ответственность за соблюдение условий, это давало живым стабильность и равновесие. Их с Яриком заклад был о том, что Лиля не даст ему сдохнуть раньше срока.

Она села на колени перед парнем и вгляделась в лицо человека, который её словно не видел, да и вовсе не понимал, что происходит. Позвала по имени. Когда не ответили, положила ладони на чужие щеки и силой заставила на себя посмотреть.

– Тебе нужно это выпить.

Заторможенно, Ярик кивнул. Не доверяя, Лиля сама пропихнула сквозь сухие губы таблетку, затем бережно поднесла стакан.

Кот глухо заворчал – он запрыгнул на кресло и уткнулся девушке в бедро. Тёсова знала, что он голодный, но пока не рисковала покидать бедового товарища. Она подняла кота и усадила себе на колени. Тот мявкнул и попытался цапнуть её за подбородок. Музыка продолжала греметь.

Прошла пара минут, и человек перед ней встрепенулся – резко, как кукла, у которой завели ключик. Ярик выпрямился.

– О, крутая группа. У них ещё песни есть «даже если все остальные города говно, я не хочу в Питер» и «у меня в холодильнике лишь две банки пива, но это лучше, чем жить с родителями», – как ни в чем не бывало, бодро прокомментировал композицию радиостанции Ярик. – Они у нас еще концерт давать скоро будут.

Парень поднялся и потянулся до звучно хрустнувших позвонков, демонстрируя свой голый торс под плащом. Тут вставал вопрос, так и ходил ли Ярик в одних штанах на работу, в минусовую погоду зимой, или разделся уже по прибытии домой, а там его, как это часто бывает, перемкнуло, и он решил одеться обратно, вспомнил только про накидку, после чего на остальное забил?

Кот запрыгнул на освободившееся кресло и лёг так, чтобы спрятать нос под хвостом, – готовился спать.

В груди Тёсовой жгло. Сколько будет этих танцев по краю? Она снова успела, но должен был наступить день, когда станет поздно. Она не могла быть с колдуном всегда.

– Когда ты уже свалишь обратно к семье? – прямо спросила его Лиля.

– Ну, маман все ещё не планирует избавляться ни от хахаля, ни от своей идеи фикс, так что, думаю, нескоро.

Он с озорной улыбкой посмотрел на девушку. У него был подведен только один глаз. Видимо, и здесь он или отвлёкся, или бросил занятие на середине процесса.

– Чем ты вообще думал, это уже не в первый раз повторяется.

– Ну, ход был просчитанный, но, как видишь, считать я особо не умею, – ухмыльнулся Ярик.

Лиля закрыла глаза и тяжело вздохнула.

Бесполезно. Со стенкой говорить было эффективнее.

Девушка поднялась и посмотрела Ярику в насмешливые глаза. Он не знал про маятник. Он знал лишь, что девчонка, которая когда-то пришла на объявление его родителей о сиделке, заявила, что ей не страшно, на какой бы стадии серебрянки ни находился человек, и осталась во времена, когда к таким больным боялись даже подходить.

Он знал, что Алексей Тёсов, отец Лили, погиб от серебрянки.

Лиля почувствовала чужие руки, обвившие её плечи.

– Ты опять грузишься, – сказал подошедший к ней сзади Ярик и положил свой подбородок на её затылок.

– А ты опять забыл о том, что такое личное пространство.

– Но мне одиноко и хочется кого-нибудь обнять.

– Обними игрушку!

– Я не люблю игрушки, – пробурчал Ярик и усилил объятие.

– Да в чем разница – я то же самое! – попыталась вырваться Лиля. – Только у меня есть кости и чувство собственного достоинства!

Тёсова не любила чужие прикосновения. И хотя Ярик был одним из немногих, от кого она их терпела, ей все равно было неприятно. Парень об этом помнил. Он ненадолго отстранился, но вернулся обратно.

– Дай мне минуту?

Лиля молчала.

– Пожалуйста?

Лиля глубоко вдохнула через нос и выдохнула ртом.

– Дурак, – ответила она, но вырываться перестала.

Ярик довольно вздохнул, сдув прядь волос ей на лицо, но она, согласно уговору, не шевелилась. Из радио доносился хриплый голос солиста, певшего о прошлом и будущем.

Лиля протерпела ровно две минуты, после чего мягко подняла руки, и её отпустили.

– Когда ты ел? – спросила она, направляясь к брошенной авоське.

– Не помню. Будешь?

Он сказал это с надеждой и привычно вытянул руку – от кончиков его пальцев потянулась тонкая светлая нить, свиваясь в форму широкой, но тонкой коробочки. Нить вспыхнула, словно перегорела лампа накаливания, и взорвалась искрами, оставив после себя плитку шоколада в золотистой фольге.

Ярик повторил движение, и его ладонь чуть опустилась под грузом пузатой бутылки вина со стершейся этикеткой. Колдун запрокинул голову и хлебнул из горла.

У Ярика вышло несколько особенное состояние. Вместо язв на теле болезнь подарила ему некоторые бонусы. Кто-то говорил, что она превратила его в монстра, ведь делала его похожим на ссэра. И не только колдовством. Как и незваные гости с другой стороны, он пытался вытягивать из всех эмоциональную реакцию для подпитки, будто те энергетические вампиры из сплетен старушек на лавочках. Об этом нужно было всегда помнить – даже Лиле, которая в обществе ссэра провела всё детство.

Ярик приглашающе качнул бутылкой.

– Нужно есть нормальную еду, – строго сказала Лиля.

Колдун слишком полагался на свои выкрутасы, а Тёсова не могла не думать о том, что если его волшебная вундервафля однажды откажет, пускай даже на минуту, как барахлящее электричество, то всё, искусственно поддерживающее его, исчезнет, и если по итогу получится, что парень ничего реального не жрал несколько лет, то этих мгновений хватит, чтобы тот помер. Потому Лиля его подкармливала (хотя Ярик это и называл насилием над личностью).

Ярик мог создавать что угодно. В своем родном городе он так создавал деньги, но потом возникли проблемы. У Ярика было ограничение – расстояние, и стоило горе-колдуну отойти достаточно далеко, как сотворенное им таяло без следа. По этой причине в кинотеатрах его родного города всё ещё боялись принимать крупные купюры, хоть и прошло уже много лет, как он переехал.

Лиля подхватила авоську с едой и направилась на кухню, поманив за собой парня.

– Там же не консервы? – спросил колдун, оценив звук. – Скажи, что не консервы. Можно я их превращу в нормальную еду?

– Хоть в торт преврати, только съешь.

– Там слабительное?

Лиля не удостоила это ответом. Ярик ребячески захихикал. Он чувствовал волну пассивного раздражения, которая шла от Тёсовой, и наслаждался, будто долгожданным десертом.

– Приведи кухню в божеский вид? – попросила Лиля.

– Я все равно бардак обратно устрою.

– Это будет потом, а мы про сейчас.

Ярик пожал плечами и провел ладонью. Вспыхнули искры, и кухня засияла порядком и чистотой. Под сваленными тряпками с коробками нашлись не только раковина и плита, но

даже чайник – они точно были настоящими. А вот полный заварник и красиво нарезанный вишневый рулет были чистым колдовством, и к ним Лиля притрагиваться не планировала. Все приборы Лиля тоже хотела помыть, несмотря на внешнюю стерильность. Она не доверяла колдовству, когда дело касалось чего-то, что потом попадёт к ней в рот.

– И радио выключи.

– Но оно меня успокаивает.

– Пожалуйста, – Лиля зловредно протянула это слово, напомнив парню про выклянченное объятие. Ярик со вздохом заткнул перегретый приёмник.

Кинув взгляд на часы, парень скривился и глотнул ещё вина. Лиля молча поставила перед ним кружку, напоминая о приличиях, и он нехотя перешел на цивильное питьё из посуды.

Мелкий картофель посыпался в кастрюлю. Соль была раскопана в одном из ящиков, куда колдун своей магией запихал и плотно утрамбовал мусор со всего дома. Дело оставалось за белковым составляющим нехитрого ужина – консервная банка глухо клацнула о стол.

Ярик тяжело сел и уткнулся носом в столешницу, закрыв глаза. Колдун мог сколько угодно разыгрывать безразличие, но было очевидно, что в состоянии он пребывал не из лучших.

На ум пришла неаккуратно склеенная фотография девушки, лежащая на кофейном столике, – очевидно, что карточку недавно порвали, но потом пожалели и постарались починить. На снимке была запечатлена его младшая сестра, с которой он давно не общался. Тёсова задумалась, не этим ли себя добил Ярик, или это была не причина, а следствие?

– Что у тебя случилось? – бросив гадать, спросила Лиля и начала рыться в ящиках.

– Ничего, – ответил Ярик и протянул ей свежесозданную открывашку для банки с килькой.

Девушка демонстративно взмахнула триумфально найденным ножом, и парень убрал руку. Консерва печально заскрипела под давлением металла, но поддалась. Следующим чередом был хлеб, который пал смертью храбрых неровными кусками.

Лиля все думала, как разговорить колдуна, но в тишине выключенного радио раздавался отвлекающий непонятный гул, и девушка в поисках его источника подняла глаза на верх холодильника. То, что она сначала приняла за белый серпантин-декорацию, издавало тихие звуки. Подойдя и прислушавшись, она поняла, что оно пело. Лиля напряглась и сделала шаг назад.

– Что за поющая растительность?

– По работе, – с тоской ответил Ярик. – И это её ещё мало. Мне нужно собрать в два раза больше.

– Зачем?

– Понятия не имею. За то и платят.

Лиля лишь догадывалась, чем именно занимался Ярик, чтобы позволить себе жилье и прочие долгоиграющие моменты. Он про источник своих финансов обычно или не говорил, или отшучивался – в редких случаях, предлагал свести с парой товарищей, чтобы после этого рассказать. Но если дело было связано с колдовством, оно почти наверняка было связано с ссэра, а дела с тварями другого мира ничем хорошим кончиться не могли, потому Тёсова раз за разом отказывалась.

Ярик кинул открывашкой в слабо трепещущий белый куст.

– Шумно.

– От этой штуки?

Он кивнул.

– А там, где она растет, ещё хуже?

Он снова кивнул.

Лиля понимала, о каком шуме он говорил. ЦБ был источником энергии и жил в приборах, но встречался и в обычной жизни, им было пропитано в той или иной степени абсолютно всё.

Кто-то даже говорил, что ЦБ и был самой жизнью – тем, что давало душу. Так или иначе, где-то этого ЦБ было больше, где-то меньше. В больших количествах он для человека был опасен и вызывал серебрянку, а уже больные ею слышали в таких местах «шум» – кто-то описывал его как голоса, кто-то как невнятный гул. В любом случае, состояние их он ухудшал. Не только физическое, но и, даже больше, моральное.

– Долго ты эту штуку собирал? – мотнула головой в сторону холодильника Лиля. Она пыталась оценить масштаб ущерба.

Ярик изобразил ладонью что-то неопределенное. Тёсова расшифровала это как «достаточно, чтобы захотеть умереть; недостаточно, чтобы помереть прямо там».

– Когда срок сдачи?

– Завтра, – безрадостно ответил колдун. – Потому скоро нужно будет собираться.

– Сиди, – осадила его Лиля. – Скажи куда, я схожу.

– Да нормально...

– Забей, давай лучше ешь. Лучше пойду я, чем пущу тебя одного и потом буду искать, из какого там сугроба твои понтовые сапоги торчат. На меня все равно ЦБ не действует. Куда идти?

Ярик, признавая чужую правоту, подёргал кольца, украшавшие его пальцы. Нехотя, он протянул исписанную угловатым почерком бумажку.

Лиля посмотрела на неё, потом на часы, и прикинула, что, учитывая ее собственную работу, стоило пошевеливаться, чтобы хватило времени поспать.

– Доваришь картошку? – попросила Тёсова.

Девушка рассуждала, что уж лучше пусть колдун съест добитую волшебством до готовности картошку, чем ничего. А самой Лиле хватит и бутербродов с килькой.

Ярик ощущал себя не в своей тарелке из-за чужой помощи, потому, по старой привычке, стал искать, что благодетелю предложить, чтобы почувствовать себя лучше.

– Давай после этого на концерт сходим? – сказал он. – У нас большой один скоро намечается, я про него говорил.

– Спасибо, воздержусь, – ответила Лиля. – Не моя тарелка чая.

– Ну, слушай, концерты – это круто! А тут группа классная. Их гитарист еще сегодня у Жанны с Набережной на тусе будет. Давай сходим?

– Возможно. Если звезды сложатся.

Делал этими предложениями колдун только хуже.

Лиле не улыбалось переться на окраину города-замухрыша, чтобы послушать еще более замухрышную группу. Меньше этого хотелось только приближаться на расстояние километров десяти к Жанне, с которой Ярик все не терял надежды помирить Лилю.

– Не хочешь концерт – хорошо, вопросов нет, – продолжал свои предложения колдун. – Давай тогда на вечеринку? Она прикольная, там товарищи интересные будут.

– Нелюди?

– Ну... да...

– Я говорила тебе, не раз, что не хочу в это вмешиваться. Ни к чему хорошему такие связи не приводят.

– Ну там нормально будет, честно.

– «Нельзя все судить по одной ситуации с твоим отцом?» – Лиля едко процитировала свою бесноватую родственницу.

Ярик вздрогнул.

– Я не это имел виду.

– А что?

Лиля запихнула в себя бутерброд и ушла в коридор одеваться. Ярик ничего не отвечал, но догнал её и ухватил за руки. От его ладоней шел жар. Колдун всегда был как печка. Убеждал, что стал таким, когда приходилось матери в дождь на рынке помогать.

Тёсова почувствовала, как на её ладонь стали натягивать перчатку.

– Простынешь, – аккуратно сказал парень.

– Она не рассыплется, как я из квартиры выйду? – спокойно спросила Лил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.